

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Журнал «Континент» (самый свежий номер) опубликовал статью профессора Женевского университета Жоржа Нива «Поэма о «Разброде добродетелей». Это, на мой взгляд, первое вразумительное слово литературной критики о романе-эпопее Александра Солженицына «Красное колесо».

«Красное колесо», наверное, первая в мире книга, где осуществленное, сколь оно ни грандиозно, все же меньше, чем неосуществленного. Автор готов допустить, что это поражение. Но оно объяснимо, и объяснения его таковы: объем уже написанного, возраст автора и, главное, — «после апреля обстановка меняется скорее не качественно, а количественно». Февральская революция уже обречена, а «октябрьский переворот уже с апреля вырисовывается как неизбежный».

Здесь многое можно оспорить. Возраст писателю не помеха. Лев Толстой продолжал потрясать каждой своей строкой весь мир до самого конца своей долгой жизни. Тупиковый финал эпопей действительно кажется странным. От апреля до рокового октября много месяцев, а исторически уже все ясно; но, по-моему, Нива слишком поверил Солженицыну в его исторических хрониках. Может быть, автор действительно хотел

писать хронику историческую, но написал-то он о распаде времен. Время действительно уходит в никуда, дробясь на внешние весьма заполненные события, а по сути дела, вся эта военно-революционная и предреволюционная суэта превращена в нуль. То, что количество светлых нулей все более возрастает на страницах романа, можно в равной мере рассматривать и как неудачу, и как гениальность замысла.

Еще более изумлен Нива откликом автора от художественного повествования ради исторической достоверности.

«Сама идея снабдить читателя кратким резюме возмож-

ного продолжения «повествования» — идея странная, и она доказывает, что поэтика «Колеса» не романная, а скорее историческая. Роман не резюмируется. Роман — это мечтание о времени. Входишь в страницу, даже знакомую, и

фактов. И чем их больше, тем непонятнее, что же это за наваждение такое — красное колесо, которое катится и катится по России и на Россию. Помните знаменитое колесо «Мертвых душ», которое до Москвы доедет, а до Казани уже нет.

напоминающий духовную аскезу. Властвует парадокс: гипертрофия документального и атрофия символического. Это завершение антироманной эволюции».

Да ведь и Толстой фактически покончил с романом в ро-

ме «Красном колесе». Не случайно Жорж Нива вспоминает:

«Один странный эпизод вносит в «Апрель» абсолютно исключительную ноту мистицизма. Это «вознесение» Воробьянцева над толпой, когда его заставили участвовать в мани-

фестации. Потеря — те четыре средневековых добродетели, на которых зиждется мир: справедливость, благоразумие, воздержание и мужество. Утеряна гармония, на которой строили мир Сенека и Марк Аврелий, погибла разумность, на которой построен аристотелизм. Исчезла установка на этот знаменитый квадрат, на добрую, доброкачественную жизнь. Нарушено всякое равновесие, в особенности равновесие между изливством и недостатком в справедливости по Аристотелю».

Второе заключение: страшным и гиблым оказался путь Солженицына в поисках утраченной добродетели. Он ее не нашел. Он застрял в дебрях документа и архива.

История «Красного колеса» сама по себе трагична. Трагична потеря ориентира, как будто сам предмет повествования повлек за собой повествователя. Умер романист, умер роман, побледили смертельно все вымышленные лица. Остался огромный ворох обрывков.

Но и в этом страшном 6248-страничном «крушении» — автор «Красного колеса» и трагичен, и велик. Сама «неудача» этой титанической попытки гипнотизирует читателя. Ибо каждый смутно чувствует,

что неудача эта не литературная и не поэтическая, а более глубокая, экзистенциальная.

Бальзак писал госпоже Ганской: «Я пожираю свои мысли, и он ощущал себя Богом, наслаждался своим творчеством».

Солженицына, как мне кажется, пожирают его мысли, и он себя ощущает не Богом, а изгнанным из сада добродетелей изгоем.

«Всякое непомерное движение — есть высшая растрата существования», — писал Бальзак.

Такой безумной растратой была, мне кажется, и вторая половина солженицынского творчества, и сама русская история...

«Красное колесо» прикатилось в Россию в один из немногих моментов ее истории, когда стоана решительно и властно на всех уровнях своего сложного бытия отвергла новый виток насилия. В сердцах людей появилась робкая надежда. Неужели забуксовало? Похоже, что в августе 91-го оно действительно увязло в крови трех молодых людей, бросившихся наперерез танкам.

Двадцатый век начался распадающимся романом «Воскресение». Заканчивается столетие распадающимся романом «Красное колесо».

Известия - 1993. - 22 сент. - с. 10.

КУДА КАТИТСЯ «КРАСНОЕ КОЛЕСО»

раскрывается перед тобой другое время — время возвышенное, твое и не твое.

Солженицын же выступает в данном случае скорее как историк-архивист. Вот, мол, что есть еще в моем архиве, что я мог бы перед вами развернуть».

Да ведь в этом и гениальность замысла. Нарушены все каноны. Автор — архивист. Уже не издевается ли он над читателем? По-моему, «издевается». Божественная ирония Солженицына — вот о чем нельзя забывать, читая «Красное колесо». Вы думаете, что во всем можно разобраться, опираясь на факты и документы? Вот вам лавина

Потом это колесо катит бричку с Чичиковым, запряженную в птицу-тройку. И, посторонясь, дают дорогу птице-тройке с Чичиковым другие народы и государства, хотя сама она не знает, куда несется.

В XX веке колесо стало красным от крови.

Глубоко прав Жорж Нива, когда и написание и чтение романа считает в известном смысле монашеским подвигом.

«Солженицын читается — во всяком случае мною — со все большим трудом. От платонической поэтики романа «В круге первом» до второго тома «Апреля 17-го» его творчество проходит путь, чем-то

мане «Воскресение». И о нем до сих пор спорят: что это — гениальный прорыв или гениальный провал? Спорят и не могут забыть Катюшу Маслову и Нехлюдова. В эпопее Солженицына отсутствует главное для читателя — герой, которого нельзя забыть. Исторические фигуры это еще не герои. В «Войне и мире» есть Наполеон, но помнят не его, а Пьера Безухова и князя Андрея. Интеллигентность — вот от чего хочет отказаться Солженицын вслед за Толстым. Уверенность в том, что масса людей всегда более права, чем какой-нибудь один Клим Самгин или Нехлюдов (да пусть и кучка их!), подспудно присутствует и

фестации Первого мая. Ему стыдно, и вдруг он ощутил как бы «освобождение собственного тела», «жалкая фигура» — это был не он, а сам он взвился где-то выше воздуха и плыл над этим пьяным шествием...»

Жорж Нива знает, что «Красное колесо» — это великая тайна, что над ним будут думать и через 100 и через 200 лет, но как читатель и критик он все же выносит свой гамлетовский приговор эпопее Солженицына.

«Мое заключение — двойное».

Первое: «Красное колесо» — огромное историческое повествование о потере добро-